

18+

ПОСЛЕДНЯЯ
ИЗ СЕРЕБРЯНЫХ
— ЗОВ ГЛУБИНЫ —

Rayana Show

Rayana Show
Последняя из Серебряных.
Зов Глубины

<https://litres.ru/74152824>

ISBN 9785007016513

Аннотация

Матвей — обычный студент. Всё меняется, когда он встречает Эду — русалку, последнюю принцессу погибшего подводного королевства. За ней охотится древний бог Морок. Их миры не должны пересекаться, но судьба решает иначе. Теперь Матвею предстоит погрузиться в Затопленный Лабиринт и найти Сердце Глубины — единственный артефакт, способный победить тьму. Цена будет выше, чем он думал. Сможет ли любовь противостоять древнему злу?

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	28
ГЛАВА 3	40
ГЛАВА 4	55
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Последняя из Серебряных. Зов Глубины

Rayana Show

© Rayana Show, 2026

ISBN 978-5-0070-1651-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1

Июнь во Флориане — это время, когда город окончательно сходит с ума от жары и влажности. Океан, который плещется буквально в двух шагах от любого района, не спасает, а наоборот — добавляет в воздух столько соли и воды, что дышать становится тяжело, будто лёгкие заполняются тёплым сиропом. Асфальт на набережных плавится, оставляя следы от каблучков и шин, пальмы, высаженные вдоль главных проспектов, стоят поникшие, словно стесняются своей неуместной тропической пышности среди бетона и стекла, а местные жители передвигаются короткими перебежками от кондиционера к кондиционеру, проклиная тот день, когда их предки решили основать город именно здесь, а не где-нибудь на севере, где снег и прохлада.

Матвей любил эту жару. Любил её за то, что она делала мир честным и оголённым. В такую погоду невозможно притворяться кем-то, кем ты не являешься. Ты либо обливаешься потом, страдаешь и мечтаешь о холодном душе, либо принимаешь этот зной как часть себя, как ритм, в котором бьётся сердце города. Он шёл через образовательный городок Флорианского университета, огромного комплекса из стекла, бетона и зелени, раскинувшегося на холмах над океаном, и чувствовал, как футболка прилипает к спине, а солёный

ветер с залива путается в волосах. В одной руке он держал потрёпанный рюкзак с ноутбуком и конспектами, в другой — пластиковую бутылку с водой, уже третью за сегодня.

Он учился на втором курсе исторического факультета, и тема его курсовой звучала так, будто её придумал какой-то романтик-неудачник, который слишком много читал сказок в детстве: «Образ водных духов в фольклоре прибрежных народов и его отражение в городской мифологии Флорианы XIX—XXI веков». Научный руководитель, профессор Аркадий Семёнович Воронов, сухонький старичок с бородой, на последней консультации заявил, поправляя очки в тонкой золотой оправе: «Матвей, голубчик, вы выбрали прекрасную тему. Вода вокруг нас повсюду. Океан, залив, каналы, фонтаны. Флориана стоит на воде, как Венеция, только с небоскрёбами. Ищите, наблюдайте, впитывайте. Мифы не умирают, они просто прячутся под слоем асфальта и хлорки. Умейте видеть».

Матвей тогда хмыкнул про себя, но совет запомнил. Он вообще много что запоминал из того, что говорил профессор, даже если это звучало как бред. И теперь, проходя мимо очередного фонтана — а их во Флориане было немеренно, от мраморных чаш на центральных площадях до скромных питьевых фонтанчиков в парках, — он всматривался в воду с таким вниманием, будто ожидал, что оттуда вот-вот

высунется русалка и помашет ему перепончатой рукой. Он, конечно, не верил в русалок. Ему было двадцать два, он был взрослым, рациональным человеком, который умел отличать научные факты от бабушкиных сказок. Но в том, что вода во Флориане обладала каким-то особым, почти мистическим характером, он уже убедился. Она была повсюду — в старых коллекторах под городом, куда не ступала нога человека десятилетиями, в тёмной глади залива, в подземных речушках, закованных в бетонные трубы, в бесконечных каналах, прорезающих старый город. Иногда, глядя на эту воду, Матвей ловил себя на странном, щекочущем нервы ощущении: она смотрит на него в ответ. Не угрожающе, нет — скорее с любопытством, как зверь, который ещё не решил, друг ты ему или добыча.

Университетская библиотека встретила его спасительной прохладой кондиционеров и запахом старой бумаги. Этот запах — терпкий, чуть сладковатый, с нотками пыли, времени и едва уловимого аромата морской соли, который проникал даже сюда, сквозь толстые стены и фильтры вентиляции, — был для Матвея лучшим на свете. Он прошёл через турникеты, показал студенческий билет и направился в читальный зал редких книг и рукописей. Это было особое место: высокие арочные окна выходили на старый порт, длинные дубовые столы хранили на себе следы тысяч локтей, чернильных пятен и, возможно, чьих-то пролитых слёз над дипломом, а

воздух здесь был плотным от тишины и сосредоточенности.

Он заказал по электронному каталогу не просто фольклорные сборники — это было бы слишком банально, — а кое-что особенное: древние карты подземных вод Флорианы, составленные ещё в восемнадцатом веке, когда город только начинал строиться и реки текли по поверхности, а не в трубах под мостовыми. На прошлой неделе, роясь в архивах, он наткнулся на странную пометку на полях одной из рукописей, посвящённой местным легендам. Кто-то аккуратным, почти каллиграфическим почерком вывел два слова: «Серебряный клань». Рядом был нарисован крошечный символ — круг с расходящимися лучами, похожий на стилизованное солнце или, может быть, глаз. Ни в одном справочнике, ни в одной энциклопедии, ни в одном поисковике Матвей не нашёл упоминаний о таком клане. Это могло быть ошибкой, чьей-то шуткой или чем-то, что заставило его сердце биться чаще при одной мысли. Он чувствовал: за этими двумя словами что-то скрывается. Что-то важное. Что-то, что может перевернуть его скучную студенческую жизнь.

Он устроился за столом у окна, раскрыл ноутбук с наклейкой в виде осьминога на крышке, которую он прилепил в шутку ещё на первом курсе, и приготовился ждать. Минут через двадцать к его столу бесшумно подошла библиотекарь, строгая женщина в очках с золотой оправой, с пучком седых

волос на затылке, и с тихим, но весомым стуком положила перед ним тяжёлую картонную папку.

— Держите, молодой человек. Только в читальном зале. И, умоляю, не ставьте на документы стаканы с водой, — отчеканила она тоном, не терпящим возражений, и удалилась, цокая каблуками по паркету, оставляя за собой шлейф запаха старомодных духов.

Матвей кивнул, принимая папку как священную реликвию. Осторожно развязал верёвки, откинул картонную крышку и замер. Карты были потрясающие — старые, выцветшие, с нанесёнными от руки руслами рек и ручьёв, которых давно уже не существовало на поверхности. Они текли где-то там, внизу, под километрами асфальта, бетона и стекла, под фундаментами небоскрёбов и торговых центров, под шумными проспектами и тихими скверами.

Матвей провёл пальцем по тонкой синей линии, обозначавшей приток подземной реки, что когда-то впадала в залив прямо под тем местом, где сейчас стоял их университет, и вдруг почувствовал, как по коже пробежал холодок — странный, неуместный в этой прогретой кондиционированной тишине. Ему показалось, что линия под его пальцем на мгновение стала ярче, словно подсветилась изнутри голубоватым, пульсирующим светом. Он моргнул, отдернул руку,

наваждение исчезло. И тут его ноутбук начал сходить с ума.

Экран покрылся рябью, как старый телевизор без сигнала. Изображение задрожало, пошло полосами, а потом по центру проступили странные символы — не кириллица, не латынь, нечто совершенно иное, угловатое и одновременно плавное, похожее на письменность, созданную для того, чтобы её читали под водой, при тусклом свете кораллов. Символы вспыхнули голубым и погасли. Ноутбук выключился. Полностью. Даже индикатор зарядки перестал гореть, хотя аккумулятор был заряжен на сто процентов. Матвей хлопнул по клавиатуре, нажал кнопку включения — ноль реакции. Он снова нажал, уже с силой, готовый выругаться вслух, но библиотечная тишина, казалось, имела физический вес и давила на плечи, заставляя сдерживаться.

— Да что за... — прошептал он, с досадой глядя на чёрный экран.

Он поднял глаза, чтобы осмотреться — может, у кого-то ещё техника глючит? Может, это какая-то аномалия, вспышка на солнце или проблемы с электричеством? — и замер.

За соседним столом, у самого окна, выходящего на залившую солнцем площадь с фонтаном, сидела девушка. Матвей мог поклясться, что минуту назад, когда он садился и оглядывал зал, там никого не было. В это время дня читальный

зал пустовал — только пара задремавших старичков в углу да он сам, студент, решивший провести летний день в пыльных архивах. Но теперь она сидела там, и солнечный свет, пробившийся сквозь облака, падал прямо на неё, высвечивая каждую деталь с фотографической, почти болезненной чёткостью. У Матвея перехватило дыхание. Девушка была не просто красива — красивых девушек во Флориане хватало, они гуляли по набережным в коротких юбках и топах, загорелые, улыбчивые, яркие. Она была другой. Совершенно, абсолютно, пугающе другой.

Длинные волосы цвета платины с холодным металлическим отливом, как у расплавленного серебра, свободно струились по её плечам и падали на спину, доставая почти до пояса. В солнечном свете они отливали лунным сиянием, создавая вокруг её головы едва заметный, мерцающий ореол, словно она была не человеком, а сошедшим со страниц фэнтези эльфийским созданием. Кожа — фарфоровая, почти прозрачная, с голубоватым оттенком, как у тех дорогих статуэток, что его бабушка держала в серванте и запрещала трогать руками. Ни грамма загара, ни намёка на летний румянец, ни одной веснушки, которые обычно щедро рассыпает по носам флорианское солнце. Тонкие, аристократичные черты лица: высокие скулы, чуть заострённый подбородок, пухлые губы бледно-розового оттенка, которые она слегка сжимала, читая, — всё это выглядело так, будто было выто-

чено искусным скульптором из цельного куска мрамора, а затем оживлено.

Но главное — глаза. Глаза были невероятного, невозможного цвета. Небесно-голубые, но с такой глубиной и прозрачностью, что казалось, в них можно нырнуть и никогда не вынырнуть. Радужка переливалась оттенками льда и морской воды, а в зрачках мерцали крошечные искорки — голубоватые, едва заметные, как свет планктона в ночном океане. В этих глазах было что-то древнее. Что-то такое, что не вязалось с её юным лицом, с лёгким летним платьем цвета морской волны, с тонкой ниткой бледного голубого камня на шее, который, казалось, сам излучал слабый свет.

Она читала книгу. Матвей скосил глаза — по корешку он узнал трёхтомник «Поэтические воззрения славян на природу» Афанасьева, тот самый, который сам откладывал на завтра, планируя использовать для курсовой. Она сидела, подперев подбородок тонкой, изящной рукой, и читала с таким спокойным, невозмутимым выражением лица, будто всё происходящее вокруг — и библиотека, и Флориана, и сам этот мир — было для неё лишь декорацией.

Их взгляды встретились. На мгновение Матвею показалось, что мир вокруг исчез. Исчезли стеллажи с книгами, исчезли лампы, исчез солнечный свет за окном. Остались толь-

ко её глаза — бездонные, сияющие, и тихий, едва слышный шум воды в ушах. Этот шум был похож на плеск волн о далёкий берег, на шёпот подводного течения, на зов, который он слышал когда-то в детстве, засыпая под шум прибоя. Странное ощущение, похожее на лёгкое головокружение, прокатилось по телу от макушки до пяток. Ему показалось, что он слышит чей-то далёкий голос — не слова, а мелодию, низкую и тягучую, как песня кита, которую он однажды слышал.

А потом за окном сверкнула молния. Матвей вздрогнул и обернулся. Небо, ещё минуту назад ясное и голубое, стремительно затягивало свинцовыми, тяжёлыми тучами. Они сгущались с невероятной, пугающей скоростью. Ветер ударил в окна, заставив стёкла задрезбездать, и начался дождь. Но это был не просто дождь. Капли, размером с крупную горошину, обрушились на город отвесной, непроницаемой стеной. Они барабанили по крыше, по подоконникам, по стёклам с такой силой, что библиотечный зал наполнился гулом, похожим на рокот водопада. Люди за соседними столами заворочались, кто-то подошёл к окну, качая головой и глядя на внезапный потоп. Матвей снова повернулся к девушке. Она смотрела на дождь, и на её губах играла лёгкая, едва заметная улыбка. В этой улыбке было что-то тёплое, родное, почти интимное, как будто она встретила старого друга, с которым её разлучили на долгие годы. Капли стекали по стеклу за её спиной, создавая причудливые, извилистые узоры.

И в какой-то момент Матвей заметил странность: дождь за окном, казалось, подчинился ей. Сначала одна капля застыла на стекле прямо напротив её лица. Потом вторая, третья. Они не падали, а висели, дрожа, и формировали вокруг её отражения сияющий ореол — идеальный круг из тысяч крошечных водяных линз. Свет, преломляясь в них, создавал радужные блики, и на секунду Матвею показалось, что он видит в этом круге не библиотеку и не залитую дождём площадь, а что-то другое — тёмную, бескрайнюю воду, светящиеся кораллы, чьи-то тени, плывущие в глубине, и огромный, мерцающий город из белого камня.

Наваждение длилось мгновение. Девушка моргнула, и капли сорвались вниз, продолжив свой обычный путь по стеклу, сливаясь в ручейки и исчезая в раме. Матвей протёр глаза. Ноутбук рядом с ним внезапно ожил — экран загорелся, показывая рабочий стол, как ни в чём не бывало. Индикатор зарядки мирно горел зелёным. Матвей тупо уставился на экран, потом снова на девушку. Она закрыла книгу. Мягко, почти беззвучно. Поднялась из-за стола, и её движение было плавным, текучим — она не шла, а словно плыла по воздуху, едва касаясь пола. Она направилась к выходу из читального зала, проходя мимо его стола. Матвей снова поднял глаза и встретился с ней взглядом. На этот раз её глаза были ближе, и он смог разглядеть то, что ускользало от него на расстоя-

нии: в самой глубине её зрачков горел крошечный голубоватый огонёк. Он мерцал, пульсировал, как живой, и в этом мерцании было что-то гипнотическое, манящее и одновременно пугающее. Она прошла мимо, и Матвей почувствовал запах — свежий, чистый, прохладный. От неё пахло водой. Не духами, не мылом, а именно водой — речной, озёрной, с лёгким оттенком влажного камня и далёкого морского бриза. Станный, невозможный запах для душной библиотеки, пропитанной ароматом старой бумаги и пыли. Матвей сидел, не в силах пошевелиться. А потом его словно ударило током.

— Чёрт! — выдохнул он, вскакивая с места.

Он судорожно захлопнул папку с картами, даже не завязав верёвки, схватил рюкзак и бросился к выходу, на ходу бросив библиотекаряше:

— Я завтра продлю! Извините, срочно!

Он выбежал в холл, потом на широкую лестницу, потом на улицу и замер на пороге. Ливень не просто шёл — он бушевал. Тёплый, почти парной, он обрушился на город сплошной стеной, превращая улицы в реки, а площади — в озёра. Капли барабанили по асфальту, по листве пальм, по крышам машин. Воздух наполнился озоном и влагой, дышать стало легко, как после грозы в горах. Люди с визгом прятались под козырьки, под навесы. Асфальт парил, поднимая клубы ту-

мана, и весь мир вокруг превратился в размытую, акварельную картину.

Матвей оглядывался по сторонам, промокнувший за секунду до нитки, и уже отчаялся, когда увидел её. Она шла через площадь к набережной, в сторону старого порта. Не бежала, не пряталась, не искала укрытия, а шла медленно, подставив лицо дождю. И на этом лице застыло выражение такого чистого, незамутнённого блаженства, почти экстаза, что у Матвея перехватило дыхание. Она улыбалась дождю. И тут он заметил кое-что ещё. Дождь обтекал её. Капли, падая на её плечи, на волосы, на тонкую ткань платья, словно замедлялись в последний момент, скользили по коже, не впитываясь, а скатываясь вниз крупными, сверкающими жемчужинами. Её платье оставалось сухим — настолько сухим, насколько это вообще возможно в такой ливень. Она сияла в этом потоке воды, как маяк в шторм, как существо, для которого дождь был родной стихией. Матвей догнал её в несколько широких шагов.

— Извините! — выпалил он, поравнявшись с ней и чувствуя себя полным идиотом. Вода стекала с его волос прямо в глаза, футболка прилипла к телу, а он стоял и пытался заговорить с самой красивой и странной девушкой, которую когда-либо видел. — Простите, пожалуйста, я понимаю, что это выглядит безумно... даже очень безумно... но я...

Она остановилась и повернулась к нему. Дождь стекал по её лицу — по лбу, по щекам, по подбородку, — но она не жмурилась, а смотрела на него с лёгким, чуть насмешливым любопытством. Глаза сияли ярче обычного, в них отражались вспышки молний, полыхающие где-то над океаном. Она была прекрасна. Нереально, пугающе прекрасна.

— Я Матвей, — выпалил он, пытаясь перекричать шум дождя. — Мы в библиотеке рядом сидели. Я видел, вы «Поэтические воззрения» читали. Я тоже... я курсовую пишу. Про водных духов. Про русалок, про водяных, про всю эту мифологию. И я подумал — может, вы тоже этим интересуетесь? Может, нам по пути?

Он замолчал, чувствуя, как румянец заливает лицо, хотя из-за дождя это было незаметно. Стоять под проливным дождём, в промокшей насквозь одежде, и нести эту чушь незнакомой девушке, которая смотрит на тебя с лёгкой, чуть насмешливой улыбкой, — это было дно. Абсолютное дно его социальных навыков. Она смотрела на него — секунду, две, три. Ливень хлестал по ним, но, кажется, никого из них это не волновало. А потом она улыбнулась — не той лёгкой улыбкой, что в библиотеке, а настоящей, тёплой, открытой, от которой у Матвея внутри что-то перевернулось и растаяло.

— Эдвена, — сказала она. Голос у неё оказался таким же, как глаза, — глубоким, текучим, с лёгкой, едва уловимой вибрацией, от которой по коже бежали мурашки, несмотря на тёплый дождь. — Можно просто Эда.

— Эда, — повторил Матвей. — Красивое. Необычное. Никогда такого не слышал.

— Родители назвали, — ответила она просто. — Там, откуда я родом, такие имена — обычное дело.

— А откуда ты родом? — спросил Матвей, чувствуя, что разговор наконец-то уходит в правильное, безопасное русло. Ну, насколько вообще можно говорить о безопасности, стоя под ливнем с девушкой, которая не мокнет.

Эда посмотрела на небо. Молния сверкнула совсем рядом, где-то над маяком в старом порту, и гром грянул так, что заложило уши.

— Оттуда, где много воды, — сказала она, и в её голосе послышалась грусть. — Очень много воды. Больше, чем земли. Больше, чем неба.

— Север? Где-то у океана? — предположил Матвей, перебирая в уме все известные ему прибрежные города и страны. — Может, Норвегия? Или Канада?

Эда усмехнулась, но ничего не ответила. Вместо этого она развернулась и пошла дальше, и Матвей, повинувшись какому-то древнему, почти животному инстинкту, пошёл рядом.

Он не знал, куда они идут, и ему было всё равно. В этой стене воды они были вдвоём, отрезанные от остального мира, и это чувство изоляции было странно уютным, почти интимным. Ливень превратился из врага в союзника. Он скрывал их от посторонних глаз, создавал кокон из шума и влаги, в котором существовали только они двое.

Они вышли на набережную, к парапету, за которым плескался океан. Внизу, в серой пелене дождя, вода казалась чёрной, тяжёлой, покрытой рябью от миллионов ударов капель. На горизонте смутно угадывались силуэты кораблей, маяк мигал красным огнём, а небо над океаном было таким же свинцовым, как и над городом. Всё расплывалось, теряло очертания, становилось похожим на подводный мир, на затонувшую Атлантиду, на мираж.

— Красиво, — тихо сказала Эда, останавливаясь у гранитного парапета и глядя на воду. — Иногда я смотрю на всё это и не верю, что живу здесь.

— А где ты жила раньше? — осторожно спросил Матвей, вставая рядом.

Она помолчала. Ветер трепал её платиновые волосы, которые, несмотря на ливень, уже начинали высыхать — или, может быть, они никогда и не были по-настоящему мокрыми. Она повернулась к нему, и в её глазах плескалась такая тоска, такая бездонная глубина, что Матвею стало не по себе. Ему захотелось отвести взгляд, но он не мог — её глаза держали его, как магнитом.

— Там, где вода была живой, — сказала она тихо, почти шёпотом. — Где она дышала, текла, помнила. Где каждое течение имело имя, а каждая капля знала своё место. Где можно было плыть бесконечно долго и никогда не увидеть берега, но при этом чувствовать себя дома. А здесь... здесь вода заперта в камне. В реках с бетонными берегами, в прудах с решётками, в фонтанах, которые работают по расписанию. Здесь вода мёртвая. Она не помнит ничего, кроме хлорки и фильтров.

— Вода бывает мёртвой? — переспросил Матвей, и в его голове тут же всплыли русские народные сказки с живой и мёртвой водой, которые он читал для курсовой.

— Ещё как, — Эда усмехнулась, но в её усмешке не было веселья, только горечь. — Живая вода течёт, движется, помнит всё, что происходило на её берегах и в её глубинах. Она несёт в себе жизнь и историю. Она может исцелять и давать силу. Мёртвая — стоит на месте. Как в чашке. Или в бассейне. Её можно пить, но она не даёт ничего, кроме утоления жажды. Она пустая.

— Ты очень странно говоришь, Эда, — сказал Матвей честно. — Но мне нравится. Ты как будто из другого мира. Не с севера, не из Норвегии, а именно из другого мира. Из сказки. Или из мифа.

Она вздрогнула. Едва заметно, но Матвей — со своей обострённой после сотен прочитанных книг наблюдательностью — увидел, как дрогнули её ресницы, как на мгновение

сжались пальцы на парапете.

— Спасибо, Матвей, — сказала она тихо. — Ты тоже не такой, как все. Ты смотришь и видишь. Это редкое качество. Опасное, но редкое.

— Что в нём опасного? — не понял он.

— Опасность в том, что, увидев однажды то, что скрыто от других, ты уже не сможешь закрыть глаза. Ты будешь искать правду, даже если она окажется страшной. Даже если она разрушит твой привычный мир. Даже если она убьёт тебя.

Матвей хотел возразить, сказать что-то остроумное, но слова застряли в горле. Потому что она была права. Он чувствовал это каждой клеточкой своего тела. Стоя здесь, под ливнем, рядом с этой странной, невероятной девушкой, он уже не мог представить, что вернётся к своей обычной жизни — к лекциям, к курсовой, к посиделкам с друзьями в их лофте. Что-то изменилось. Что-то сдвинулось в самой основе его мира. И он не хотел возвращаться обратно.

Они стояли молча, глядя на океан. Молчание было уютным, почти родным, несмотря на то, что они знали друг друга от силы полчаса. Матвей чувствовал, как между ними протягивается невидимая нить — тонкая, но прочная, как паутина. Он боялся пошевелиться, чтобы не порвать её.

— Слушай, — он набрался смелости и повернулся к ней. — Я понимаю, что мы только познакомились, и это, наверное, слишком нагло с моей стороны. Но, может, выпьем че-

го-нибудь? Не здесь, конечно, а в кафе где-нибудь? Я просто... я хочу поговорить с тобой ещё. О воде, о русалках, о живых реках, о чём угодно. Просто поговорить. Ты очень интересный собеседник.

Эда посмотрела на него долгим, изучающим взглядом. В её глазах снова плескалась та самая бездна, в которой, казалось, можно было разглядеть целый океан — с его штормами, течениями, коралловыми рифами и тёмными впадинами. Она словно взвешивала что-то, принимала решение — можно ли ему доверять, стоит ли продолжать эту игру. А потом кивнула.

— Хорошо, — сказала она просто. — Но только не кофе. Я не пью кофе.

— А что ты пьёшь? — улыбнулся Матвей, чувствуя, как внутри разливается тепло, несмотря на промокшую одежду.

— Воду, — ответила Эда, и в её голосе послышалась лёгкая, чуть грустная насмешка над самой собой. — Только воду. И ещё... — она запнулась, бросила взгляд на океан. — Мне нужно быть ближе к воде. К океану. Можно мы пойдём туда, вниз? К самой кромке?

Матвей посмотрел на неё, потом на крутой спуск к пляжу, который находился прямо под набережной, потом снова на неё.

— Там мокро, — сказал он глупо. — Ну, в смысле, там вообще воды по щиколотку после такого ливня.

— Я люблю, когда мокро, — улыбнулась Эда, и в этой

улыбке было столько искренней, детской радости, что Матвей невольно улыбнулся в ответ. — Я вообще всё это люблю. — Она обвела рукой ливень, океан, свинцовое небо, сверкающие молнии. — Это напоминает мне о доме.

— О доме, — повторил Матвей. — Ты часто говоришь о доме. Ты скучаешь?

Эда отвела взгляд. Её лицо на мгновение стало таким беззащитным, таким уязвимым, что Матвей почувствовал острую, почти физическую боль в груди. Когда она снова посмотрела на него, в её глазах стояли слёзы — или, может быть, это просто были капли дождя, но ему хотелось верить, что она всё-таки человек и умеет плакать.

— Очень, — сказала она тихо, и её голос дрогнул. — Так сильно, что иногда не могу дышать. Просыпаюсь по ночам и чувствую, как вода зовёт меня обратно. Но дом... дом нельзя вернуть. Можно только помнить. И иногда — видеть во сне.

Матвей не нашёл, что ответить. Слова казались пустыми и ненужными. Вместо этого он просто взял её за руку. Её пальцы оказались ледяными — не прохладными после дождя, а именно ледяными, как у человека, который только что вынул руку из проруби. Но он не отдёргнул руку. Наоборот — сжал крепче, пытаясь передать ей хоть немного своего тепла.

— Пойдём к воде, — сказал он. — Если хочешь.

Они спустились по мокрым, скользким ступеням на пляж. Ливень к этому времени начал стихать — так же внезапно, как начался. Тучи разошлись, и выглянуло солнце, заливая всё

вокруг золотистым, почти неестественным светом. Мокрый песок блестел, как россыпь драгоценных камней, океан успокаивался, но волны всё ещё с шумом накатывали на берег, а в воздухе пахло озоном, солью и мокрыми водорослями. Над океаном вставала радуга — яркая, сочная, почти осязаемая. Она перекинулась от старого маяка до горизонта, как волшебный мост в другой мир.

Эда остановилась у самой кромки воды, там, где пена касалась её ног. Она смотрела на океан, на отражение радуги в его глубине, на чаек, которые с криками носились над волнами. Матвей стоял рядом и смотрел на неё. На то, как ветер треплет её платиновые волосы, которые уже полностью высохли и теперь сияли в лучах солнца, как расплавленное серебро. На то, как солнце играет на её фарфоровой коже, делая её почти прозрачной. На то, как она улыбается — едва заметно, но по-настоящему счастливо.

— Спасибо, — сказала она вдруг, не поворачиваясь к нему. — Что не испугался.

— Чего? — не понял Матвей. — Дождя?

— Меня, — она повернулась к нему и улыбнулась. — Я знаю, что я странная. Люди обычно чувствуют это и либо пугаются, либо крутят пальцем у виска, либо начинают задавать слишком много вопросов, на которые я не могу ответить. А ты... ты просто рядом. И тебе, кажется, всё равно, что я не такая, как все.

— Ты красивая, — сказал Матвей просто, потому что не

мог больше держать это в себе. — И интересная. И говоришь такие вещи, от которых у меня внутри всё переворачивается. Я не знаю, кто ты и откуда. Но я хочу узнать. Правда хочу.

Эда посмотрела на него. А потом, легко и невесомо, как бабочка, коснулась холодными губами его щеки. Поцелуй был мимолётным, почти призрачным, но Матвей почувствовал его каждой клеточкой кожи. Её губы были ледяными, но прикосновение обожгло, как огнём.

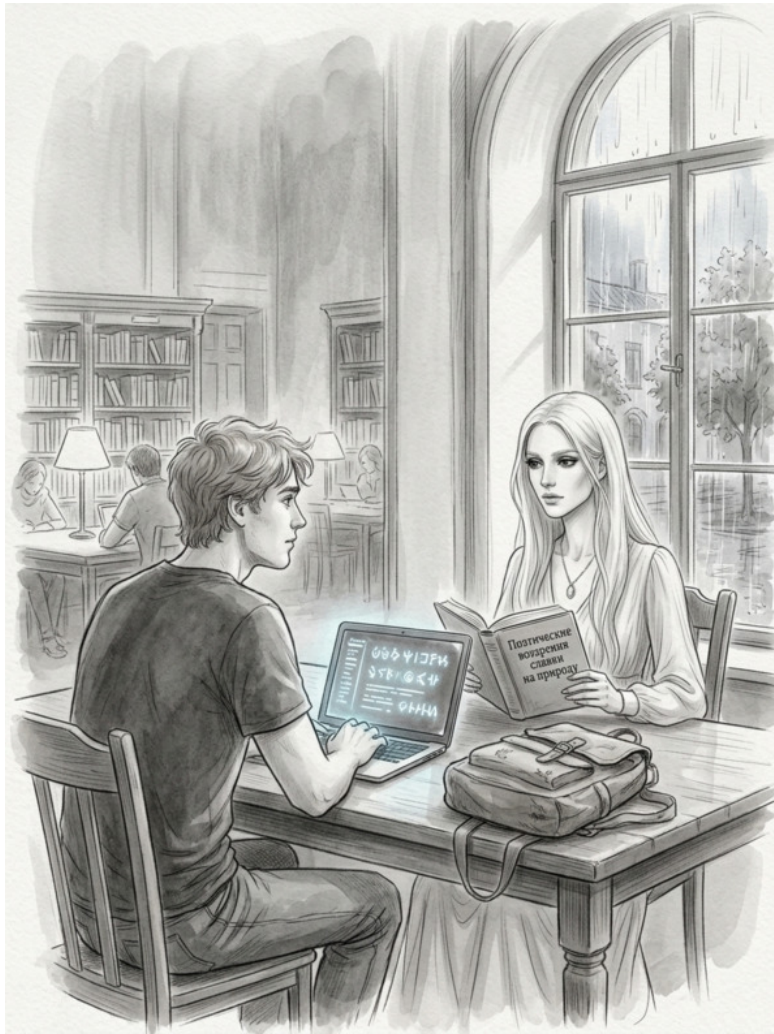
— Узнаешь, — шепнула она, отстраняясь. — Если захочешь.

И она пошла вдоль кромки воды, в сторону старого пирса, оставляя на мокром песке едва заметные следы, которые тут же смывало набегающей волной. Матвей стоял, прикасаясь рукой к щеке, и чувствовал, как мир вокруг становится ярче, громче, насыщеннее. Краски стали сочнее, звуки — чётче, запахи — острее. Он смотрел, как она уходит — её платиновые волосы развевались на ветру, лёгкое платье цвета морской волны облегло тонкую фигуру, — и понимал только одно. Он должен увидеть её снова. Обязательно. Чего бы это ни стоило. Потому что в его скучную, размеренную жизнь вошла она — девушка с дождём в глазах, девушка, которая не мокнет под ливнем, девушка, от которой пахнет морем. И он знал, чувствовал каждой клеточкой своего существа: мир, каким он его знал раньше, кончился. Начиналось что-то новое. Что-то опасное, прекрасное и совершенно невероятное.

Он ещё долго стоял на пляже, глядя на то место, где она

скрылась за скалами. Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в оранжевые и розовые тона. Океан успокоился и оставил на песке пену и мелкие ракушки. Матвей чувствовал, как внутри него разрастается что-то тёплое, огромное, готовое выплеснуться наружу. Он не знал, что это — любовь, безумие или просто летнее помешательство. Но ему было всё равно. Впервые за долгое время он чувствовал себя живым. По-настоящему живым.

А где-то глубоко под Флорианой, в старых коллекторах и подземных реках, вода, казалось, зашевелилась. Она помнила. Она ждала. И она знала: история только начинается. И ставки в этой истории будут гораздо выше, чем одно разбитое сердце.

ГЛАВА 2

Три дня. Три долгих, бесконечных, выматывающих душу дня Матвей не мог найти себе места. Он просыпался с мыслью о ней, засыпал с её именем на губах, а в промежутках между этими двумя состояниями существовал как в тумане — машинально ходил на пары, что-то записывал в тетрадь, отвечал друзьям невпопад и постоянно проверял телефон, хотя номера Эды у него не было. Он даже не знал её фамилии. Только имя — Эдвена, странное, как плеск волны о камни, и образ, который впечатался в память с фотографической чёткостью: платиновые волосы, фарфоровая кожа, глаза цвета арктического льда и эта её улыбка — тёплая, настоящая, от которой у него внутри всё переворачивалось.

Он искал её повсюду. Обшарил всю университетскую библиотеку, заглядывая в каждый читальный зал, в каждый угол, где она могла бы сидеть с книгой. Прошёлся по набережной, где они стояли под ливнем, дошёл до того самого пляжа, где она коснулась губами его щеки, — пусто. Он даже зачем-то зашёл в пару кафе в старом порту, хотя она сказала, что не пьёт кофе. Глупо, конечно, но он цеплялся за любую возможность. Друзья уже начали подозревать неладное. Савва, застав его за очередной проверкой телефона, хмыкнул и бросил: «Чувак, ты выглядишь как сталкер. Расслабься, если суждено — встретитесь». Матвей огрызнулся, но в глубине

души понимал, что друг прав. Он вёл себя как одержимый. И это его пугало. Потому что он никогда раньше не был таким. Девушки в его жизни, конечно, случались — пара несерьёзных романов на первом курсе, несколько свиданий, которые ни к чему не привели, — но ничего подобного. Никто не вызывал в нём такого всепоглощающего, почти болезненного интереса. Никто не заставлял его сердце колотиться так, будто оно вот-вот выпрыгнет из груди, только при одной мысли о новой встрече.

На четвёртый день, когда он уже почти отчаялся и убедил себя, что всё это было лишь красивой галлюцинацией, вызванной жарой и переутомлением, он увидел её. Это произошло в Центральном парке Флорианы — огромном зелёном оазисе посреди бетонных джунглей, куда он забрёл после пар, сам не зная зачем. Он шёл по тенистой аллее, обсаженной пальмами и какими-то экзотическими кустарниками с глянцевыми листьями, когда услышал шум воды. Не привычный плеск фонтана — к этому он уже давно привык, — а что-то другое. Мелодичное, ритмичное, почти музыкальное. Он свернул на звук и вышел на небольшую площадь, в центре которой возвышался главный фонтан парка — огромная мраморная чаша, украшенная скульптурами морских существ: дельфинов, тритонов. Вода в фонтане обычно била строго вверх, подчиняясь насосам и таймерам, но сейчас она вела себя совершенно иначе. Струи изгибались, переплетались, формируя в воздухе сложный, постоянно меняющийся

узор, который напоминал тот самый символ, что он видел на полях старой рукописи: круг с расходящимися лучами, похожий на стилизованное солнце или глаз. А на бортике фонтана, свесив босые ноги в воду, сидела она.

Эда. Та самая. В том же лёгком платье цвета морской волны, с распущенными платиновыми волосами, которые в лучах послеполуденного солнца сияли, как жидкое серебро. Она смотрела на воду, на танцующие струи, и на её губах играла та самая загадочная, чуть отстранённая улыбка, которую Матвей запомнил навсегда. В одной руке она держала пластиковую бутылку с водой, из которой периодически делала маленькие глотки.

Сердце Матвея пропустило удар, а потом забилось с такой силой, что он испугался — она услышит. Он замер в тени пальмы, не решаясь подойти. А что, если она не обрадуется. Что, если тот вечер был для неё лишь случайностью, мимолётным развлечением, и она уже забыла о его существовании. Что, если сейчас она просто встанет и уйдёт, оставив его стоять с открытым ртом, как дурака. Но она не уходила. Она сидела, болтала ногами в воде, и струи фонтана послушно танцевали вокруг неё, словно живые существа, признавшие свою хозяйку.

Матвей заметил, что другие люди, проходившие мимо, не обращали на это внимания — они были слишком заняты своими телефонами. Или, может быть, они просто не видели того, что видел он. Он глубоко вздохнул, поправил рюкзак

на плечо и шагнул вперёд.

— Привет, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и непринуждённо, хотя внутри всё дрожало.

Эда не вздрогнула, не обернулась резко — она просто медленно повернула голову, и её глаза встретились с его. В них мелькнула радость — но лицо осталось спокойным.

— Матвей, — сказала она. Не спросила, утвердила. Помнила.

— Ты помнишь моё имя, — выдохнул он, чувствуя, как с плеч падает огромная тяжесть.

— Я помню всё, — ответила она просто. — Ты не отпустил мою руку тогда, под дождём. И не испугался, когда я говорила странные вещи.

— Ты была права, — сказал Матвей, подходя ближе. — Я не мог закрыть глаза. Я искал тебя. Три дня. По всему городу. Эда посмотрела на него с лёгким любопытством.

— Зачем?

— Потому что... — он запнулся, подбирая слова.

— Потому что я не мог думать ни о чём другом. Ты снилась мне. Твой голос звучал у меня в голове. Я не знаю, кто ты, Эда, и откуда, но я чувствую, что наша встреча не была случайной. И я хочу узнать тебя. По-настоящему.

Она помолчала, глядя на него своими бездонными глазами. Потом улыбнулась — тепло, открыто.

— Садись, — сказала она, похлопав по бортику рядом с собой.

Матвей скинул кроссовки, закатал джинсы до колен и сел, опустив ноги в прохладную воду. Брызги фонтана долетали до них, оседая на коже мелкими каплями. Он заметил, что капли, попадая на Эду, не впитывались, а скатывались вниз, оставляя кожу сухой.

— Как ты это делаешь? — спросил он, кивая на фонтан. — Вода... она тебя слушается.

Эда посмотрела на танцующие струи, и в её глазах мелькнула тень.

— Это сложно объяснить, — сказала она. — Для меня вода — не просто жидкость. Она живая. У неё есть память, есть воля. Нужно только уметь слушать. И тогда она ответит.

Она протянула руку, и одна из струй послушно изогнулась, коснулась её ладони, словно ласкаясь. Матвей смотрел, затаив дыхание. Это было невероятно, невозможно, но он видел это собственными глазами.

— Ты сказала, что там, откуда ты родом, вода живая, — напомнил он. — Расскажи мне о ней.

Эда опустила руку, и струя вернулась на место, но танец воды продолжался — теперь струи формировали в воздухе сложный символ, тот самый круг с лучами.

— Это легенда, — начала она тихо, глядя на воду.

— Очень старая легенда. Говорят, что когда-то, тысячи лет назад, существовал народ, который жил в глубинах океана. Они были не людьми, но и не рыбами — нечто среднее. Их называли Серебряным кланом, потому что их чешуя си-

яла, как расплавленное серебро, а волосы были цвета платины. Они умели дышать под водой, управлять течениями, говорить с китами и создавать из воды всё, что угодно — от ледяных копий до целых дворцов из кораллов.

Матвей слушал, затаив дыхание. Это было похоже на сценарий фантастического фильма, но голос Эды звучал так убедительно, с такой тоской, что сомневаться в искренности было невозможно.

— Они были хранителями равновесия, — продолжала она. — Их королевство, Кораллия, процветало на дне океана, скрытое от людских глаз магическим куполом. Они жили в гармонии с океаном, и их короли и королевы правили мудро и справедливо. Но самым главным сокровищем Кораллии было Сердце Глубины — древний артефакт, пульсирующий кристалл, который давал жизнь всему океану. Он управлял приливами, течениями, погодой. Пока Сердце билось, Кораллия была в безопасности.

— А что случилось потом? — спросил Матвей, хотя уже догадывался, что ничего хорошего.

Эда отвела взгляд. Вода в фонтане на мгновение замерла, струи зависли в воздухе, как застывшие хрустальные нити.

— Пришёл Морок, — сказала она глухо. — Он был одним из них, из Серебряного клана, но его сердце было чёрным. Он завидовал королю и королеве, завидовал их силе, их власти. Он хотел захватить Сердце Глубины и использовать его, чтобы подчинить себе весь океан, а потом — и весь мир. Он

предал своих, открыл врата в Бездну и призвал тёмные силы. Началась война. Страшная, кровопролитная. Кораллия горела, русалки и тритоны гибли тысячами. Король и королева... — её голос дрогнул. — Они погибли, защищая свой народ и Сердце. Но перед смертью королева успела спрятать артефакт в тайном месте. И эта дочь бежала на поверхность, чтобы сохранить тайну и однажды вернуться.

Матвей молчал. В горле пересохло. Он смотрел на Эду — на её платиновые волосы, на фарфоровую кожу, на глаза, в которых сейчас плескалась такая боль, что ему самому стало трудно дышать. И кусочки мозаики начали складываться в его голове.

— Эта дочь... — начал он осторожно. — Это ведь ты, да? Ты — последняя из Серебряного клана.

Эда посмотрела на него долгим взглядом. В её глазах не было ни страха, ни вызова — только усталость и надежда.

— Да, — сказала она просто. — Я — Эдвена, принцесса Кораллии. Последняя из Серебряных. Мои родители мертвы, мой народ рассеян, а Сердце Глубины спрятано там, где его никто не найдёт. Я живу здесь, среди людей, уже два года. Прячусь. Жду. И боюсь, что Морок найдёт меня раньше, чем я смогу вернуть то, что принадлежит мне по праву.

Повисла тишина. Матвей переваривал услышанное. Это было безумно. Совершенно безумно. Русалки, подводное королевство, древний артефакт, тёмный бог — всё это звучало как сюжет дорогого голливудского блокбастера, а не как ре-

альная история девушки, сидящей рядом с ним на бортике фонтана. Но он верил. Верил каждой клеточкой своего существа. Потому что видел её глаза. Потому что чувствовал холод её кожи. Потому что только что наблюдал, как вода танцует по её воле.

— Почему ты рассказываешь это мне? — спросил он тихо.

Эда улыбнулась — грустно, почти обречённо.

— Потому что ты спросил. И потому что... — она запнулась. — Я устала быть одна. Устала прятаться и притворяться. Ты первый человек за эти два года, который посмотрел на меня и увидел не странность, а что-то другое. Что-то, что заставило тебя искать меня три дня. И я подумала — может быть, это судьба.

Матвей почувствовал, как сердце сжалось. Он протянул руку и осторожно накрыл её ладонь своей. Пальцы Эды были ледяными, но она не отдёрнула руку. Наоборот — чуть сжала в ответ.

— Я не знаю, что такое судьба, — сказал он. — Но я знаю, что с того момента, как увидел тебя в библиотеке, моя жизнь перестала быть прежней. И я не хочу возвращаться обратно. Я хочу быть с тобой. Помогать тебе. Если ты позволишь.

Эда посмотрела на их сплетённые руки, потом на него. В её глазах блеснули слёзы.

— Ты даже не представляешь, на что соглашаешься, — прошептала она.

— Значит, расскажи мне, — ответил он. — Всё. С самого

начала.

И она рассказала. О Кораллии — прекрасном городе из белого и розового коралла, где улицы освещены светящимися водорослями, а по небу — вернее, по толще воды — проплывают гигантские киты, чьи песни разносятся на тысячи километров. О своём детстве — как она плавала в коралловых садах, играла с дельфинами и училась управлять течениями у своей матери, королевы Ириды. О том дне, когда всё рухнуло — Морок, бывший советник её отца, открыл врата Бездны, и тьма хлынула в Кораллию, пожирая всё на своём пути. О том, как её родители, король Океанар и королева Ирида, сражались до последнего, чтобы дать ей время бежать. О том, как она, захлёбываясь слезами и водой, плыла сквозь горящий город, а за её спиной тьма поглощала всё, что она любила.

Когда Эда закончила, солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в оранжевые и розовые тона. Фонтан успокоился, вода в нём мирно журчала, отражая последние лучи. Матвей молчал, переваривая услышанное. Его курсовая про водных духов теперь казалась детским лепетом. Рядом с ним сидела живая легенда.

— У меня есть кое-что для тебя, — сказал он наконец, вспомнив о маленькой коробочке, которую носил в рюкзаке уже третий день, надеясь на чудо.

Эда удивлённо посмотрела на него. Матвей достал из рюкзака небольшую бархатную коробочку и протянул ей.

— Что это? — спросила она.

— Открой.

Она осторожно открыла крышку. Внутри, на тёмном бархате, лежал кулон — простая стеклянная капля на тонкой серебряной цепочке. Внутри капли плескалась прозрачная жидкость, а на дне лежала крошечная серебристая чешуйка, которая в свете заката переливалась перламутром.

— Это вода из океана, — сказал Матвей. — С того самого пляжа, где мы стояли под дождём. А чешуйка... я нашёл её на песке, когда ты ушла. Она лежала там, где ты стояла. Я не знаю, откуда она взялась — может, от рыбы какой-то, — но она напомнила мне о тебе. Я подумал, это будет тебе напоминать обо мне. И о том, что даже здесь, на поверхности, есть частичка твоего мира.

Эда смотрела на кулон, и её глаза наполнялись слезами.

— Матвей... — выдохнула она. — Это... это самое дорогое, что мне дарили за всю мою жизнь.

— Серьёзно? — он смутился. — Это же просто вода.

— Нет, — она покачала головой. — Это частица тебя. Твоего мира. Твоей заботы. В Кораллии дарят полезные вещи — оружие, инструменты, знания. А здесь дарят красоту и чувства. Я начинаю понимать, почему люди так ценят это.

Она протянула ему кулон.

— Поможешь надеть?

Матвей взял кулон. Ветер трепал её платиновые волосы, они пахли солью и чем-то свежим, как морской бриз. Он за-

стегнул замочек, и его пальцы коснулись её шеи — ледяной, но такой живой. Кулон лёг ей на грудь, и капля воды внутри слабо мерцала в угасающем свете дня. Эда повернулась к нему. В её глазах больше не было тоски — только тепло и что-то ещё, что Матвей не мог назвать, но что заставляло его сердце биться чаще.

— Я никогда не сниму его, — сказала она. — Обещаю.

Эда улыбнулась — той самой тёплой, настоящей улыбкой, от которой у него внутри всё таяло. А потом она подалась вперёд и поцеловала его. На этот раз не в щёку — в губы. Поцелуй был долгим, нежным, и в нём чувствовалась вся её тоска, всё её одиночество, вся её надежда. Её губы были прохладными, но мягкими, и Матвей, забыв обо всём на свете, обнял её, прижал к себе, чувствуя, как её ледяная кожа постепенно теплеет от его прикосновений. И в этот момент вода в фонтане за их спинами взметнулась вверх, рассыпаясь миллионом сверкающих брызг, которые в лучах заката превратились в радужное облако, окутавшее их двоих, словно благословение самого океана.

Когда они отстранились, Эда прижалась лбом к его лбу и прошептала:

— Спасибо, что нашёл меня.

— Спасибо, что позволила, — ответил он.

Они сидели на бортике фонтана до самой темноты, держась за руки, глядя, как на небе зажигаются первые звёзды. Матвей чувствовал, что его жизнь разделилась на до и после.

И он был готов к тому, что будет дальше. Что бы это ни было.

А где-то далеко, в глубинах Бездны, среди вечной тьмы и холода, открылся жёлтый глаз. Морок почувствовал всплеск магии — слабый, но отчётливый. Сердце Глубины подало знак. И он улыбнулся. Игра началась.

ГЛАВА 3

Прошла неделя. Неделя, за которую Матвей, кажется, прожил целую жизнь. Они с Эдой виделись каждый день — то гуляли по набережной, то сидели в парке у фонтана, то просто бродили по узким улочкам старого порта, где пахло рыбой, солью и водорослями, а чайки орали так, что закладывало уши. Эда рассказывала ему о Кораллии — о коралловых садах, где растут светящиеся цветы, о Пещерах Поющих Китов, где можно услышать голоса предков, о Ракушечном Городе, где торгуют всем на свете — от жемчуга до древних артефактов.

Матвей слушал и чувствовал себя ребёнком, которому читают самую удивительную сказку на ночь. А ещё он чувствовал, как с каждым днём привязывается к Эде всё сильнее. Это было не просто увлечение, не просто симпатия — это было что-то глубокое. Ему казалось, что он знал её всю жизнь, что её холодные пальцы в его руке — это самое естественное, что может быть. И он хотел, чтобы так было всегда.

Но была одна проблема: друзья. Они уже начали беспокоиться. Савва в своей обычной манере заявил, что Матвей «пропал с радаров и ведёт себя как влюблённый идиот». Гера мягко намекал, что стоило бы познакомить их с «таинственной незнакомкой». Влад, разумеется, уже пробил по своим каналам всё, что можно, и ничего не нашёл — что само по

себе было подозрительно. Макар требовал «образец для анализа», потому что, по его словам, «если девушка пьёт только воду и не ест нормальную еду, это как минимум интересно с научной точки зрения». Елисей просто молча рисовал что-то в своём блокноте и загадочно улыбался.

Матвей понимал: тянуть дальше нельзя. Если он хочет, чтобы Эда стала частью его жизни, а не просто тайной, которую он прячет ото всех, — нужно знакомить её с командой. К тому же, он им доверял. Это были не просто друзья — это была его семья, которую он выбрал сам. И он знал: какими бы странными они ни были, они его не предадут.

В пятницу вечером он набрал Эду. Она, как всегда, ответила почти мгновенно.

— Эда, есть предложение, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Я хочу познакомить тебя со своими друзьями. Сегодня вечером. У нас есть место — лофт в старом порту, на крыше склада. Там мы обычно собираемся. Будет шумно, весело. Они хорошие, правда. Просто немного специфические.

В трубке повисла пауза. Матвей уже начал волноваться, что перегнул палку, когда услышал её голос:

— Хорошо. Я приду. Скинь адрес.

— Правда? — он не смог скрыть радости. — Отлично! Я зайду за тобой?

— Не надо. Я сама.

— Ладно. Тогда в восемь. И, Эда... — он замялся.

— Они могут задавать странные вопросы. Просто будь собой, ладно?

Она усмехнулась.

— Я всегда такая как есть. Это они пусть готовятся.

Лофт располагался в старом портовом районе, который местные называли «Ржавым» — из-за обилия ржавых кранов, контейнеров и заброшенных складов. Но именно здесь, на крыше одного из кирпичных зданий, выходящих окнами прямо на океан, друзья обустроили своё убежище.

Огромное пространство с панорамными окнами, заставленное всем, чем только можно: мольбертами и холстами Елисея, музыкальными инструментами Геры, компьютерами и дронами Влада, химическим оборудованием Макара и спортивным инвентарём Саввы. Посередине стоял огромный диван, на котором они смотрели фильмы и играли в приставку, а в углу стоял настоящий скелет — учебный экспонат, который Влад стащил из кабинета биологии ещё в школе и с тех пор таскал с собой. На стенах висели картины Елисея — фантастические пейзажи с летающими китами и подводными городами. Гирлянды, развешанные под потолком, создавали уютный полумрак.

Матвей пришёл за полчаса до назначенного времени, чтобы морально подготовить друзей. Точнее, чтобы попытаться.

— Слушайте сюда, — сказал он, встав посреди комнаты и хлопнув в ладоши, чтобы привлечь внимание. — Сейчас придёт Эда. И я хочу, чтобы вы вели себя как нормальные

люди. Хотя бы попытались.

— Нормальные? — переспросил Савва, не отрываясь от подтягиваний на турнике. Это был широкоплечий брюнет с короткой стрижкой и квадратной челюстью, которая делала его похожим на героя боевиков из девяностых. На нём была только спортивная майка, обтягивающая рельефные мышцы, и шорты. — Чувак, ты нас с кем-то путаешь. Мы — эталон нормальности.

— Ты висишь вниз головой на турнике, — заметил Влад, не отрываясь от ноутбука. Это был светловолосый парень с вечно взлохмаченными волосами и быстрым, цепким взглядом, который, казалось, одновременно смотрел в экран и следил за всем вокруг. Он был одет в футболку с логотипом какой-то IT-конференции и джинсы. — Это, по-твоему, нормально?

— Это разминка, — говорил Савва. — В отличие от тебя, я не сижу сутками, уткнувшись в монитор, зарабатывая сколиоз.

— Зато у меня есть программа, которая может взломать твой телефон, — отвечал Влад.

Гера, сидевший в углу с виолончелью, тихо усмехнулся. Высокий, худощавый, с длинными пальцами и задумчивым взглядом голубых глаз, он был одет в свободную рубашку и чёрные джинсы. Его светлые волосы были собраны в небольшой хвост. Он провёл смычком по струнам, извлекая низкий, вибрирующий звук.

— Ребята, давайте серьёзно, — сказал он, не прекращая играть. — Матвей явно на взводе. Давайте хотя бы первые десять минут не будем её пугать.

Макар, копавшийся в своих пробирках за столом, поднял голову. Темноволосый, с аккуратной бородкой и в очках в тонкой оправе, он выглядел как типичный учёный, которым, собственно, и являлся. На нём был лабораторный халат, надетый поверх футболки.

— Я просто хочу взять образец слюны, — заявил он. — Это же не сложно, правда? Один плевок — и я отстану.

— Макар, — Матвей устало потёр переносицу. — Если ты попросишь у неё плевков, я лично вылью твои пробирки в унитаз.

— Это не научный подход!

Елисей, стоявший у мольберта, ничего не сказал. Он просто улыбнулся своей обычной мягкой улыбкой и продолжил смешивать краски. Рыжеватые кудри обрамляли его лицо, а руки были вечно перепачканы. На нём была простая серая футболка и джинсы с пятнами краски. Он был самым тихим в компании, но Матвей знал, что именно Елисей замечает то, что ускользает от других.

Ровно в восемь в дверь постучали. Матвей пошёл открывать, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Он распахнул дверь и замер. Эда стояла на пороге. На ней было белое платье. Платиновые волосы струились по плечам, в ушах поблёскивали крошечные жемчужины, а на шее висел тот

самый кулон с каплей океанской воды и серебристой чешушкой. В руках она держала пластиковую бутылку с водой — свою неизменную спутницу. Она улыбнулась ему, и у Матвея внутри всё перевернулось.

— Привет, — сказала она. — Я не опоздала?

— Ты вовремя, — он взял её за руку и ввёл внутрь.

— Ребята, знакомьтесь. Это Эда.

В комнате повисла тишина. Гера перестал играть, смычок замер в воздухе. Савва спрыгнул с турника и приземлился на ноги с кошачьей грацией, его тёмные глаза оценивающе уставились на гостью. Влад оторвался от ноутбука и, прищурившись, разглядывал её с таким видом, будто сканировал на вирусы. Макар выронил пробирку, и она со звоном покапталась по столу. Елисей замер с кистью в руке, и его взгляд стал каким-то странным. Не испуганным, а скорее замороженным.

Эда выдержала паузу, обвела всех взглядом и улыбнулась.

— Здравствуйте. Приятно познакомиться.

— Ого, — выдохнул Влад, первым нарушив молчание. — Матвей, ты не преувеличивал. Она правда нереальная.

— В каком смысле? — насторожился Матвей.

— В хорошем, — поспешно добавил Влад. — В смысле, модель. Ты где её нашёл? В каком-нибудь секретном каталоге?

— В библиотеке, — ответила Эда спокойно. — Я читала книгу, он читал книгу. Так бывает.

Савва подошёл ближе. Он двигался плавно, как хищник, и остановился в паре шагов, разглядывая Эду. Потом обошёл её по кругу, почти по-звериному. Эда стояла неподвижно, только слегка повернула голову, следя за ним.

— Холодная, — сказал он наконец. — От тебя веет холодом. Как от проруби.

— Савва! — шикнул Матвей.

— Что? Я чувствую. У неё температура тела ниже нормы. И глаза... — он прищурился. — Странные глаза.

— Савва, ты спортсмен, а не экстрасенс, — фыркнул Влад. — Девушка просто бледная. Модельная внешность. Не всем же загорать на пляже, как ты.

— Я не загораю, я тренируюсь на свежем воздухе, — поправил Савва. — Это разные вещи.

Эда спокойно выдержала его взгляд.

— У меня просто плохое кровообращение, — сказала она. — Врачи говорят, бывает.

— Врачи? — оживился Макар, подходя с пробиркой в руке. — А что конкретно говорят? Какие анализы сдавала? У тебя очень необычная кожа — гладкая, почти без пор. И цвет... Как у амфибий. Можно образец слюны?

Эда отшатнулась, и Матвей заслонил её собой.

— Макар, я же предупреждал! — рявкнул он.

— Я просто интересуюсь! — обиделся Макар. — Биоинженерия — моё призвание. Я должен понимать, с чем мы имеем дело!

— Она не дело, она девушка, — отрезал Матвей.

Гера подошёл ближе и протянул руку.

— Гера, — представился он. — Рад познакомиться. Извини за этих варваров. Они хорошие, просто иногда забывают, что такое манеры.

Эда пожала его руку. И в тот же миг струны виолончели, стоявшей в углу, издали жалобный, протяжный звук и лопнули. Все вздрогнули и обернулись. Одна струна ещё вибрировала, другая безжизненно повисла.

— Ничего себе, — присвистнул Влад. — Гера, ты что, перетянул?

— Я их утром настраивал, — Гера нахмурился и посмотрел на свои пальцы, потом на Эду. — Они были в идеальном состоянии. Я не понимаю...

Эда виновато улыбнулась и отдернула руку.

Елисей всё это время молчал, не сводя с Эды глаз. Потом он отложил кисть, вытер руки тряпкой и подошёл ближе.

— Можно я тебя нарисую? — спросил он тихо. — Прямо сейчас. У тебя очень интересное лицо. Свет ложится необычно.

Эда посмотрела на него, потом на Матвея. Тот пожал плечами.

— Хорошо, — кивнула она.

Елисей усадил её в кресло у окна, из которого открывался вид на закатный океан. Он поставил перед собой чистый холст, взял уголь и начал рисовать — быстро, уверенно,

словно его рука двигалась сама по себе. Остальные расселись вокруг, наблюдая за процессом. Савва сел на диван и продолжил делать вид, что разминается, но его взгляд то и дело возвращался к Эде. Влад открыл ноутбук и что-то печатал, но уголком глаза следил за гостьей. Гера взял гитару и начал тихо перебирать струны, наигрывая что-то меланхоличное. Макар смирился с поражением и уселся на подоконник, записывая наблюдения в блокнот. Матвей присел на подлокотник кресла, где сидела Эда, и взял её за руку. Она благодарно сжала его пальцы. От неё действительно исходил холод, но он уже привык. Больше того — этот холод стал для него символом чего-то настоящего, нездешнего.

— Как тебе они? — спросил он тихо.

— Странные, — ответила Эда, но в её голосе не было осуждения. — Но хорошие. Я чувствую.

— Они лучшие, — улыбнулся Матвей. — Просто не сразу это показывают.

Влад внезапно оторвался от ноутбука и подошёл к ним, держа в руках маленький планшет.

— Слушай, Эда, — начал он осторожно. — У меня странный вопрос. Можно я тебя сниму? Просто на камеру. Для эксперимента.

— Зачем? — спросила она.

— Ну... — Влад замялся. — Я тут проверял кое-что. Отражения, блики... И заметил странность. Когда ты стоишь перед зеркалом или экраном, изображение искажается. Буд-

то тебя нет.

В комнате снова повисла тишина. Все замерли. Эда спокойно посмотрела на Влада.

— Ты очень наблюдательный, — сказала она. — Это опасно.

— Что опасно?

— Замечать то, что не замечают другие.

Влад сглотнул, но не отступил.

— Я просто хочу понять. Это какая-то аномалия? Ты вообще человек?

— Влад! — рявкнул Матвей, вскакивая. — Ты офигел?!

— Нет, подожди, — Эда подняла руку, останавливая его. — Он имеет право спрашивать. Вы все имеете. Вы — его друзья. Вы видели странные вещи сегодня: лопнувшие струны, холод, отсутствие отражения. Вы думаете, что я обычный человек. Но это не так.

Она встала, и все невольно подались назад. Даже Савва напрягся.

— Я не человек, — сказала Эда спокойно. — Я русалка. Последняя принцесса Кораллии, подводного королевства, которое было уничтожено два года назад. Я скрываюсь здесь, во Флориане, от того, кто убил моих родителей. И если вы боитесь меня — я пойму. Я уйду.

Тишина стала звенящей. Первым очнулся Савва. Он медленно поднялся с дивана и подошёл к Эде вплотную.

— В каком смысле русалка? — сказал он.

Эда подошла к большому аквариуму, который стоял в углу — Макар держал там каких-то экзотических рыбок для своих экспериментов. Опустила руку в воду. И Матвей увидел, как по её пальцам, от кончиков до запястья, начала расползаться чешуя — мелкая, серебристая, переливающаяся в свете гирлянд. Чешуя поползла выше, но Эда отдёргнула руку, и она исчезла, втянувшись обратно под кожу.

Все молчали. Савва стоял неподвижно, переваривая увиденное.

— Охренеть, — выдохнул он наконец.

— Это ещё не всё, — тихо сказал Елисей.

Он повернул мольберт к остальным. На холсте был портрет Эды — безусловно, она. Тонкие черты, платиновые волосы, платье белого цвета. Но глаза. Глаза на портрете были другими. Не живыми, голубыми, а глубокими, чёрными, с сияющей голубизной в зрачках. И в этих глазах угадывалась бездна. Пугающая, затягивающая, бесконечная.словно из них смотрело что-то древнее и непостижимое.

— Я такого не рисовал, — сказал Елисей растерянно. — Клянусь. Я хотел нарисовать её настоящую. А получилось это.

Эда подошла к портрету. Посмотрела на него долгим взглядом. На её лице мелькнуло странное выражение — не испуг, а скорее грустное узнавание.

— Это я, — сказала она тихо. — Это то, что внутри. То, что я пытаюсь скрыть. То, что осталось от моего мира.

Она протянула руку и коснулась холста. И в тот же миг в лофте погас свет. Все гирлянды, лампы, экран ноутбука — всё выключилось одновременно. Комната погрузилась в темноту, освещаемую только лунным светом, льющим из окон.

— Авария? — предположил Влад дрожащим голосом.

— Нет, — ответил Гера. — Я слышу странный звук.

Из угла, где стояла виолончель, донёлся низкий, вибрирующий гул. Лопнувшие струны зазвенели, запели сами собой, создавая жутковатую, потустороннюю мелодию. Все замерли.

Эда отдернула руку от портрета. Свет замигал и зажёгся снова. Гул прекратился.

— Ничего себе, — выдохнул Влад, опускаясь на стул. — Девушка, у вас мощная магия. Или что это было?

Эда виновато улыбнулась.

— Простите. Я не хотела вас пугать. Просто иногда эмоции выходят из-под контроля.

Савва подошёл к Матвею и отвёл его в сторону, подальше от остальных.

— Твоя девушка — ходячая аномалия, — сказал он тихо, но жёстко. — Ты это понимаешь? У неё нет отражения, она гасит свет, рвёт струны, и от неё веет холодом, как из морозилки. И это только то, что мы увидели за полчаса. Ты уверен, что это безопасно?

— Савва, она не опасна, — попытался возразить Матвей.

— Откуда ты знаешь? — Савва схватил его за плечо. — Я не говорю, что она плохая. Я говорю, что мы не знаем, с чем имеем дело. Ты говорил, что она русалка. Ладно, допустим. Но что ещё она скрывает? И кто за ней охотится? Ты спрашивал?

Матвей сглотнул.

— Она расскажет. Когда будет готова.

Савва посмотрел на него долгим взглядом, потом отпустил плечо.

— Ладно. Твоя жизнь. Но если что — мы рядом. И мы будем наблюдать.

Он вернулся к остальным. Матвей подошёл к Эде и взял её за руку. Она посмотрела на него с благодарностью.

— Всё в порядке? — спросила она.

— Да, — ответил он. — Просто они привыкают. Ты была великолепна.

— Я была собой.

— Именно это и великолепно.

Остаток вечера прошёл в более спокойной обстановке. Эда рассказала друзьям немного о себе — без подробностей о Мороке и Сердце, но достаточно, чтобы они поняли: она не враг. Она жертва, беглянка, которая ищет убежище. Савва, хоть и оставался настороже, больше не задавал провокационных вопросов. Влад, преодолев шок, начал сыпать идеями, как можно использовать её способности для взлома систем. Макар сдержался и не попросил образец слюны повторно.

Гера, починив струны, сыграл для неё короткую мелодию — нежную, как плеск волн. Эда слушала, закрыв глаза, и на её лице разливалось спокойствие. Елисей молча рисовал новый портрет, на этот раз акварелью, и на нём глаза Эды были просто голубыми — глубокими, но человеческими.

Когда часы показали полночь, Эда поднялась.

— Мне пора, — сказала она. — Спасибо за вечер. Вы все очень хорошие.

— Приходи ещё, — сказал Гера.

— Обязательно, — кивнула она.

Матвей проводил её до двери. Они вышли на крышу — отсюда открывался потрясающий вид на ночной океан, сверкающий в лунном свете.

Эда остановилась у парапета, глядя на воду.

— Твои друзья боятся меня, — сказала она тихо.

— Они просто не понимают, — ответил Матвей, вставая рядом.

— А ты понимаешь?

— Я хочу понять.

Она повернулась к нему, и лунный свет залил её лицо, делая его ещё более неземным. Кулон с каплей воды мерцал на её груди.

— Ты особенный, Матвей, — сказала она. — Ты даже не знаешь, насколько.

Она привстала на цыпочки и поцеловала его — нежно, почти невесомо. Её губы были прохладными, но в этом по-

целуе было столько тепла, что у Матвея закружилась голова.

— До завтра? — спросил он, когда она отстранилась.

— До завтра.

Она пошла к лестнице, но на полпути обернулась.

— Матвей... будь осторожен. То, что я показала сегодня

— это только начало. Мой мир опасен. И я не хочу, чтобы ты пострадал из-за меня.

— Я сам решу, из-за кого мне страдать, — улыбнулся он.

Эда покачала головой, но в её глазах мелькнула искорка нежности. Она скрылась в темноте лестницы, и Матвей остался один на крыше, глядя на океан. Он чувствовал, что его жизнь окончательно и бесповоротно изменилась. И он был готов к тому, что будет дальше. Даже если это дальше — война с древним богом из морских глубин.

Когда он вернулся в лофт, друзья сидели молча, перева- ривая увиденное. Савва подошёл к нему и хлопнул по плечу.

— Если она тебя обидит, я её утоплю, — сказал он.

— Если она тебя спасёт, я её расцелую. Но пока — я просто буду рядом. Идёт?

— Идёт, — улыбнулся Матвей.

Они все уселись на диван и долго ещё обсуждали произошедшее, строя теории и планы.

ГЛАВА 4

После того вечера в лофте прошло ещё два дня. Два дня, в течение которых Матвей чувствовал себя так, будто балансирует на канате, натянутом над пропастью. С одной стороны — привычный мир: университет, лекции, друзья, которые теперь смотрели на него с новой смесью любопытства и беспокойства. С другой — Эда, которая с каждым часом становилась всё более реальной и всё более невероятной.

Они переписывались — точнее, он писал ей сообщения, а она отвечала коротко, но всегда тепло, — и пару раз пересекались в парке, но всё это было мимолётно, на бегу. Матвею нужно было больше. Ему нужно было остаться с ней наедине, без посторонних глаз, без вопросов и недоверчивых взглядов. Он хотел понять, что между ними происходит. И, если честно, он просто хотел быть рядом с ней — дышать с ней одним воздухом, чувствовать холод её кожи, смотреть в эти бездонные глаза.

Он позвонил ей вечером в пятницу, когда солнце уже начало клониться к горизонту, окрашивая небо над Флорианой в умопомрачительные оттенки оранжевого, розового и фиолетового. В такое время город становился особенно красивым — океан сверкал, как расплавленное золото, пальмы отбрасывали длинные тени, а воздух наполнялся прохладой и запахом соли.

— Эда, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, хотя сердце колотилось как бешеное. — Ты свободна сегодня? Я хочу тебе кое-что показать.

— Что именно? — её голос, как всегда, был мягким и чуть вибрирующим.

— Сюрприз. Встретимся на старом пирсе? Там, где мы были в первый раз? В восемь?

Пауза.

— Хорошо. Я приду.

Матвей положил трубку и выдохнул. Он сам не знал, зачем позвал её именно туда. Старый пирс на окраине Флорианы, заброшенный ещё лет двадцать назад, был местом странным и немного жутким. Деревянные брёвна, покрытые ракушками и водорослями, уходили далеко в океан, а на конце пирса стоял полуразрушенный маяк, который уже давно не работал. Днём там иногда гуляли туристы, но к вечеру место пустело, и оставались только чайки да шум волн. Матвей любил приходить туда, когда нужно было подумать. Там, на краю пирса, где под ногами плескалась тёмная вода, он чувствовал себя одновременно маленьким и бесконечно свободным. И сегодня он хотел разделить это чувство с ней.

Он пришёл за полчаса до назначенного времени. Океан сегодня был беспокойным — с утра дул сильный ветер, и волны с грохотом разбивались о брёвна, вздымая тучи брызг. Небо затягивало тучами, идущими с горизонта, и Матвей подумал, что, возможно, снова будет дождь. Эта мысль его не

испугала, а наоборот — обрадовала. В дожде Эда была особенно прекрасна.

Он прошёл по скрипучим доскам до самого конца пирса, туда, где маяк возвышался над водой, и сел на край, свесив ноги. В руках он держал небольшой букет — не розы, это было бы слишком пошло, а полевые цветы, которые он нарвал по дороге: ромашки, васильки, какие-то жёлтые пушистые шарики, названия которых он не знал. Ему казалось, что Эде понравится что-то простое, живое, пахнущее солнцем и землёй.

Она появилась ровно в восемь. Матвей услышал её шаги по доскам — лёгкие, почти неслышные, — и обернулся. Эда шла к нему, и ветер трепал её платиновые волосы, развевая их за спиной, как флаг. На ней было платье белого цвета. В ушах поблёскивали жемчужные серьги, на шее висел кулон, который он подарил. Она улыбалась, но в её глазах Матвей заметил тень — лёгкую, едва уловимую, но он уже научился её различать. Что-то её тревожило.

— Привет, — сказал он, поднимаясь и протягивая ей букет.

Эда остановилась, глядя на цветы. На её лице отразилось сложное чувство — удивление, радость и что-то ещё, похожее на испуг.

— Это мне? — спросила она.

— Тебе. Ты говорила, что там, откуда ты родом, цветы не дарят. Я решил исправить.

Она взяла букет осторожно, как величайшую драгоценность. Поднесла к лицу, вдохнула запах. И вдруг чихнула — звонко, по-детски.

— Будь здорова! — улыбнулся Матвей.

Эда чихнула ещё раз, потом ещё. Глаза её заслезились, она прижала букет к груди и рассмеялась — искренне, открыто.

— Прости, — сказала она, вытирая глаза. — Я совсем забыла, как сильно пахнут ваши цветы. Там, у нас, водоросли пахнут иначе. А здесь... здесь всё такое яркое. Я не привыкла.

— Может, убрать их? — встревожился Матвей.

— Нет! — она прижала букет крепче. — Это самое прекрасное, что мне дарили. Я просто... адаптируюсь.

Она снова вдохнула аромат, на этот раз осторожно, и улыбнулась.

— Спасибо, Матвей. Ты даже не представляешь, что для меня значат эти маленькие жесты.

Они сели на край пирса, свесив ноги над водой. Волны внизу пенились и бились о брёвна, обдавая их солёными брызгами. Небо окончательно затянуло тучами, и первые капли дождя упали на доски. Эда подставила лицо дождю и закрыла глаза.

— Я люблю дождь, — сказала она тихо. — Он напоминает мне о доме.

— Расскажи о доме, — попросил Матвей. — Не о легендах и не о войне. О том, что ты любила. О простых вещах.

Эда открыла глаза и посмотрела на горизонт, где океан сливался с тёмным небом.

— Я любила плавать в коралловых садах, — начала она, и голос её стал мягким, мечтательным. — Там росли светящиеся анемоны — они переливались всеми цветами: синим, зелёным, розовым. Если провести рукой, они закрывались и снова открывались, как цветы на суше. Я любила играть с дельфинами — они очень умные, почти как люди, только добрее. У них есть имена, и они помнят всех, кого встречали. Ещё я любила слушать песни китов. Это не просто звуки, это целые истории — о прошлом, о будущем, о том, что скрыто в глубинах. Моя мама... — её голос дрогнул. — Мама научила меня понимать их. Она говорила, что в песнях китов спрятана вся мудрость океана.

Матвей слушал, затаив дыхание. Он пытался представить этот мир — яркий, живой, полный чудес, — и у него не получалось. Это было слишком далеко от всего, что он знал. Но он видел, как светлеет лицо Эды, когда она говорит об этом, и понимал: вот оно, её настоящее я. Не изгнанница, не беглянка, а принцесса волшебного подводного королевства, которая потеряла всё.

— Ты скучаешь, — сказал он, не спрашивая, а утверждая.

— Каждую секунду, — ответила она. — Но я не могу вернуться. Пока не могу. Морок всё ещё там, в Бездне. Он затаился, но он жив. Я чувствую его. И если я вернусь без Сердца, без силы, он уничтожит меня.

— А где Сердце? — осторожно спросил Матвей.

Эда покачала головой.

— Не здесь. Не сейчас. Это слишком опасно — даже говорить об этом. Морок чувствует, когда произносят его имя, когда думают о Сердце. Он как паук в центре паутины. Любая вибрация — и он узнает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.